

Ольга Нацаренус

Иная Вечность

16+

Ольга Вячеславовна Нацаренус

Иная Вечность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63908772

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98735-7

Аннотация

В сборник "Иная Вечность" включены как прозаические произведения, так и стихи. Основные черты творчества автора – лиризм и мастерское владение ритмом повествования, вкупе с искренностью и образным языком делают простые, на первый взгляд, сюжеты по-настоящему интересными и актуальными для самого придирчивого читателя.

Содержание

Проза	4
Крест	4
Зимний эскиз	7
Иная Вечность	10
Картина	14
Регент	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ольга Нацаренус

Иная Вечность

Проза

Крест

...Тогда зима была. Земля российская под снегами белыми, всем своим множеством городов, деревень, природ дивных. Стужа многодневная, ветром ледяным приправленная. Иная птица – с ветки замертво и душа вон. Ели по лесам роскошные, распоясанные, дразнят алмазами на уборах своих. Ни зайца не видать, ни белку шалую – мороз крепкий! Солнце грустное, бледное такое, то и дело сквозь него грязные облака спешат. И никакой радости в сердце. Ноет сердце и щемит, будто печаль-тоска уже за спиной стоит, часа своего дожидается, зубы стискивая. А может это хандра обычная, беспричинная. Холод за окном, замерло все, остановилось, вот и не лежит приложить себя к делу какому-то. От того и маета...

Как-то к полудню обрушился гром с неба. Страшными звучными раскатами наполнял он звенящий воздух и достигал каждого уха. Вот тут-то и появился в облаках Он, крест.

Высоко-высоко возник и повис торжественно, большой такой, золотым свечением сильный. И началось в умах. Вопросы все наполнились, думами. Заботы привычные второстепенность обрели. Когда глаза в небо, какие уж там заботы! Кто за Писание схватился, а кто в магазин, за водкой побежал. С горькой прощай осмысление, да покаяние произведи...

С наступлением сумерек крест начал стремительно снижаться. И к моменту захода солнца решительно погрузился в болото, на окраине города, как раз между психиатрической больницей и опушкой леса. И легко прожег он ледяную кору топкой жижи... будто словом каким обидным, но важным.

К утру аномалия особое благолепие приобрела: болото преобразилось, растаяло, воды его изумрудный оттенок заимели, и свечение над ними установилось. Снег по берегам оплавился, размяк, черные торфяные кочки, да камышовый сушняк обнажив. Цветочки вокруг возникли, мельничьи такие, голубенькие. Стужа повсюду, мороз, а тут – цветочки! Чудо же! Как еще назвать?

Народ к этому чуду дорожку протоптал скоро. И множество мыслей и рассуждений тогда повисло над болотом. Думали много, и часто: думали в одиночестве, наперевес со своим укромным, от посторонних глаз спрятанным. И толпой думали, среди подобных, равнодушных к событию. Понять хотели, к чему сей знак? Отчего именно в этом регионе случился? Предвещает он события добрые, или пора

готовиться к окончанию дней земных? Может знак это, что каяться следует чаще, молиться сердечнее, чтобы чистоту небесную обрести? А с другой стороны – не было инструкций конкретных вместе с крестом сброшено, чего выдумывать-то, и привязывать события к факту? Серой липкой дымке отрицания тоже нашлось место над изумрудными водами. Думы эти были тяжелы, но пусты и удобны – не было никакого креста, не было. Безусловно, упало что-то. Метеорит, например, или другой какой элемент космический. Но то, что форму креста он имел – спорно и явно искажено человеческим сознанием, либо представляет собой оптические причуды атмосферы...

А дальше все по расписанию Вселенскому покатилося: ночь сменяла день, день за ночью спешил, Луна на месте, как прежде, во всех своих фазах замечена была. Времена года не попутались никак, все, как раньше, как испокон века. Дожди льют, ветры дуют, солнце светит, бабы рожают... А думы те, да рассуждения всякие над изумрудной гладью так и висят, коробятся. Иногда движение тихое имеют, иногда цвет и очертание меняют. Но там они, там, точно – все знают об этом! Так и будет навек теперь... В болото-то... никто не осмелится... вдруг там и вправду...

ЗИМНИЙ ЭСКИЗ

Утром темно. Зимним утром всегда подолгу темно и от этого немного жутко. Ночь неохотно покидает завоёванные вчера территории. Морозно... За окном, внезапно возникшим и тут же растаявшим гудком паровоза пронёсся случайный испуг – вдруг не взойдёт солнце? Вдруг не наступит день, несущий привычное продолжение?..

А улицы города уже всю дышат морозной суетой. Тяжёлые, угрюмые трамваи поглощают на остановках недовольных, зевающих граждан. Цветные пятна на мачтах светофоров собирают в пробки машины. Те – сигналият. В резких, раздавленных звуках – вопрос и возмущение. Возмущение и вопрос...

У входа в метро две собаки. Ищущие участия глаза, дрожащие серые спины. Сквозь них – нескончаемый поток чёрных пальто, мёртвых шуб и человеческих запахов... Напряжение и безысходность – не нужно хлебной корки, лучше позови с собой, в свой мир... Там покой, и тёплая ладонь между ушей...

В положенный час небо начинает прятать звёзды. Цвет его холодного полотна медленно меняется, становится насыщенным, синим, затем ярко-голубым. На заснеженных крышах города словно ниоткуда возникают голуби. Души их взъерошены, переполнены терпением, и надеждами на раннюю вес-

ну...

Забродила жизнь, задвигалась – не остановить. К полудню по церквям колокола языками зашевелили, раскидали свои голоса бронзовые по мёрзлым переулкам, по сердцам раскрытым. Лейся истина о славе Господа!..

Всё перемешалось: чужое, родное, известное, неинтересное, маленькое, сладкое, нужное...

Заиграла палитра людского многоголосия: звонкий смех, шёпот, плач... А руки! Сколько рук вокруг несут действие, участвуют в происходящем, просят. Листают книги, дают пощёчины, щедро ласкают, забивают гвозди... Сколько неповторимых взглядов! Глаза, смотрящие в даль. Глаза сердящиеся, весёлые, равнодушные, лукавые, задумчивые, ненавидящие. Карие, зелёные, мокрые...

Переполненные судьбами вокзалы и аэропорты. Встречи, расставания, аккорды нерастраченных эмоций, необходимость. Надкусанная плитка шоколада, коньяк в бокале... Бокал к бокалу, бокал к губам, губы к губам... Обледеневшая взлётная полоса, самолёты. Много самолётов... Вдох облегчения у стекла иллюминатора... Замершие проблемы...

Двери старой трёхэтажной школы распахнулись, выпустив на волю стайку первоклашек. Ярко освещённая солнцем улица в тот же миг наполнилась неутомимым движением, весёлым криком, искренностью. Вверх портфели и шапки! Долой смирение и правила! Только бы подольше катиться по ледяной дорожке! Только бы побольше поймать колю-

чих от мороза снежков, жадно хватая ртом звенящий искрящийся воздух!..

Зимой смеркается рано. День короткий совсем. Будто солнце зимой особенно быстро устаёт и уходит на покой. Серебряные тени на сугробах стремительно темнеют, расширяют свои границы, и постепенно превращают пушистую, искрящуюся белизну в серые каменные глыбы...

Город ещё не скоро пропитается сном. Примеряя на свои плечи мерцающий чёрный бархат ночи, он обнажает причудливую геометрию долговязых фонарных столбов, освещающих скользкие дороги идущим, опаздывающим, возвращающимся. Многочисленные рестораны и кафе зажигают свои неоновые имена, притягивая, предлагая поиграть с действительностью, забыть о всепроникающем холоде, отдаться иллюзии...

Из ещё недавно скучающих окон льётся тепло. В том тепле – уют и любовь. Розовый цикламен в горшочке, на подоконнике. Навязчивая болтовня включённого телевизора и запах жареных котлет. Старая, потрёпанная записная книжка на комодe – пожелтевшие страницы не отдадут номера телефонов тех, кто навсегда остался «вне зоны действия сети»...

Вот и ещё один день близок к завершению...

Иная Вечность

Ты берёшь *Настоящее* и выливаешь его в прохладу стакана. Глоток...

Уже через мгновенье густая зелёная жидкость в стакане начинает шевелиться, плясать большими и малыми пузырями. Начинает дымиться и негромко бурлить, преобразовываясь, таким образом, в полупрозрачные, облака. Вытекая наружу, облака бледнеют, смешиваются с потоками холодной, чистой *Реальности*, и быстро растворяются. *Настоящее* смело исчезает в *Прошлом*, не обронив, даже случайно, чёткого, понятного следа. Для тебя остаётся лишь только призрачное, вечно поющее послевкусие на губах. Оно заставляет сердце – биться, разум – работать, душу – любить... Или не любить...

...За левым плечом у тебя – старая стена из красного кирпича. Высокая, правильной кладки. За ней – *Зло*: пристально смотрящие чёрные глаза и чёрные крылья – ты видел... Ты знаешь – одно небрежное движение – и кирпичи рассыпаются так, будто сделаны из бумаги, будто нет между ними прочно связующего, удерживающего элемента. Многие, долгие дни потом приходят с печалью и раскаянием. Многие, долгие дни ты пытаешься строить стену заново – собираешь и ровно укладываешь кирпичи, под уверенными ударами гнилых клыков, отмахиваясь от властных, зловонных

перьев...

...Справа – чудесное, лесное озеро – правильный овал на ладони думающего, понимающего *Мира*, не принадлежащего тебе никогда. Озеро – *Зеркало*. Ты встаёшь над ним на колени и с удовольствием различаешь на водной глади быстро бегущие облака, замерших в охоте стрекоз и ликующее *Солнце*. Его, разрезающие *Пространство* нити-лучи устремляются в покой вод, щедро одаривая колышущиеся водоросли, стебли кувшинок и играющих маленьких рыбок великой *Радостью* и *Благословением*. Там же ты видишь своё лицо. Изодня в день, из года в год оно меняется, а в чертах рождаются непредсказуемые, посторонние мотивы, безукоризненно подчиняясь законам *Мира*, игнорируя твои желания и возмущение...

Озеро – большое светлое *Око*, смотрящее изнутри, из глубины строгой *Действительности*. Бережно обрамлённое по берегам зарослями высокого камыша и раскидистых ив, иногда, во владении *Ночи*, путём отражения, оно приобретает зрачок. Яркий, всепроникающий зрачок – Луну...

Нет в *Мире* существа, умеющего не впустить *Око* в свою плоть и *Душу*...

...За твоей спиной – Прошлое. *Горы*. Высокие, неподвижные беспорядочные нагромождения огромных камней, лишённые бесценных даров – *Изменения* и *Развития*. Фраг-

менты близкого и дорогого тебе бытия там замершие, холодные, и подобны неумелым мазкам акварели по мокрой бумаге. Нет чётких линий, хорошо различимых деталей, образов, и правильного распределения цвета. Окаменевшее осознание происшедшего, содеянного *Навсегда*, щедро используемое *Памятью*, выстраивающей прочный мост между *Прошлым* и *Будущим*...

...Тебе уже приходилось чувствовать над своей головой ладони *Вечности*? От них – *Тепло* и *Свет*, сильный и бесконечный. От них – *Любовь*. Когда-то, много лет назад, они бережно принесли тебя в *Реальность*, и, так же бережно заберут тебя в *Вечность*, когда завершатся дни, подаренные тебе в *Мире*. Не поднимай голову слишком высоко – свет *Вечности* обожжёт твою *Душу*. Не опускай голову слишком низко – утратишь возможность получать прикосновения ладоней *Вечности*...

...*Вечность*... У каждого Существа она Иная, неповторимая... Чудесными, изумрудными потоками *Понимания*, она пронизывает твой уникальный *Мир*, наполняя его *Движением*, *Разумом* и материнской *Заботой*...

...Ты берёшь *Настоящее* и выливаешь его в прохладу стакана... *Настоящее* смело исчезает в *Прошлом*, а для тебя остаётся лишь только призрачное, вечно поющее... Оно за-

ставляет *Сердце* – биться, а *Душу* – любить... Или не любить...

Картина

Старая картина на стене. Золочёная пыльная рама, и от неё – вывязанные пауком нити, через всё полотно, к неразборчивой подписи автора в нижнем правому углу. Таинственное слияние грубого холста с гибким противоречием масляных красок. За видимым результатом воплощённого – идея, замысел, давно истлевшее пережитое...

Раннее утро, песчаный берег моря. Женщина, смотрящая вдаль, туда, где дикая природа волн касается свободной лазури неба. Холодное ещё, но уже яркое, дерзкое солнце. В его прямых, смелых лучах – завораживающая игра длиннокрылых альбатросов, и беспокойство.

Застывший на века взгляд. Застывшая печаль – беззвучное отражение, испытавшего когда-то нестерпимую боль, сердца. Недосказанное о радости, о счастье, и о восхитительном, конечно. Недосказанное о ранах, и о потерянном.

Печать непрекращающихся порывов ветра: край невесомой такни белого платья обнажил тонкие щиколотки, распущенные русые волосы разметались по худым плечам. В повороте головы – заметное напряжение. Неоконченное движение рук – как готовность к началу молитвы...

А за пределами сюжета – жизнь, живое, текущее беспорядочно и непредсказуемо. Текущее в постоянстве, бесконечно, бесконечно и независимо...

Листается настольный календарь, аисты хлопочут над гнёздами, забываются обиды и растраченное...

Крик становится смирением...

В распахнутое окно – запах надвигающейся грозы...

Усталость великодушно позволяет задуматься, осознать...

Затяжные осенние дожди смывают обиды и зовут, зовут кочующую по чужим постелям, память...

Сны объясняют происшедшее, обманывают, предупреждают о будущем...

Каждый шаг, каждый вздох порождают скромный человеческий путь, дорогу к себе, к пониманию...

Повсюду – ежемоментное чудо рождения новой реальности: в первом глотке воздуха, и в самом последнем...

Танец пёстрых бабочек среди изящных веток пышно цветущих яблонь...

Обрывки недописанных писем в мыслях...

Поцелуй – как болезненная необходимость настоящего...

Поезд, отходящий от серого перрона строго по расписанию...

Молчание далёких звёзд...

Давай, закроем глаза?..

Регент

Ослепительное пламя тяжёлого осеннего солнца пробивалось сквозь густую крону осин и клёнов, наполняя аллею восхитительным безумством красок. Смелые потоки свежего ветра непринуждённо подхватывали с влажной дорожки опавшие листья, поднимали их в воздух, играя и раскидывая беспорядочно по кружевным спинкам блестящих чугунных лавочек. Пурпурные, золотые, изумрудные волшебства этого маленького земного праздника, словно обезумевшие бабочки, вращаясь, ловили каждый короткий лучик, как отчаянный поцелуй уходящего надолго тепла. Стайка маленьких серых птичек, непослушных и гомонящих наперебой, рассыпалась по холодному ковру увядающей ныне травы, и затихла...

Где-то, в опустевшей гостиной, часы пробили полдень, и брошенный фрагмент её скупого бытия остался неизменным: немые, пыльные книги, сквозь мутное стекло дубового шкафа, исписанные нотными знаками листы мягкой белой бумаги по письменному столу, смятый клетчатый плед на диване, и кот, удобно устроившийся на широком подоконнике, между горшочками с геранью. Утром из этого нехитрого мира вышел человек. Наспех облачившись в серое сукно старого пальто, укутав тонкую шею объёмным шерстяным шарфом, он долго рассматривал начищенные до блеска ботин-

ки, но надел совсем другие, не по сезону, из тонкой замши. Истинно желающий проявить заботу зонт, безупречно служивший хозяину так же и в качестве трости, остался стоять у ножки кабинетного рояля, демонстрируя выпавшую из чёрных складок ленточку с надписью «Вернуть регенту костёла св. Павла, пану Шиккульскому».

Двери парадного закрылись за узкой, сутулой спиной, и через некоторое время, минуя бесцельное шатание по узеньким, грязным улицам, Юзеф Шиккульский, волей неведомых сил, оказался в аллее городского парка... Утром он решил, что никогда более не вернётся к своей работе. Никогда! Решение это было безвозвратным, и исключало сомнения. Сегодня, впервые за последние восемнадцать лет, рассерженный будильник не стучал своими металлическими молоточками, призывая к утренней молитве. Впервые не был заварен крепкий чёрный кофе, и холодное лезвие бритвы не коснулось мягкого подбородка. Впервые за долгую, тёмную ночь Регент не увидел снов...

...Ах, какие же прекрасные сны рождались в его далёком детстве! Исполненные фантазий, сокровенных желаний, тайн и необъяснимых страхов. Цветные, вкусные, свободные по своей сути от железных ограничений и запретов!.. А ещё в том далёком детстве была мама – маленькая, худая женщина с несчастным, болезненным выражением лица, проводящая бессонные ночи за круглым, обеденным столом, бесконечно проверяя, и проверяя тетради учеников. Довольству-

ьясь крошечным жалованием, принимая с великим смирением женское одиночество, и бегающих по полу крыс, она исправно посещала воскресные мессы, дарящие скорее не радость и облегчение, а немую серую грусть. В рваной, остывшей памяти Юзефа не осталось даже следов от её улыбки и смеха. Видимо потому, что эти явления были крайне редки и малозначительны. Зато он хорошо запомнил тепло её рук на своём колючем затылке, равно как и тепло, ощущаемое маленькой, детской ладонью, по дороге на занятия музыкой, или в костёл... Отчётливым фрагментом далёкой ныне действительности, в архивах памяти застыла ваза на старом комоде.

Дешёвая ваза толстого стекла из крупных граней. А в ней – неуклюжая, тяжёлая ветка облепихового дерева, с острыми зелёными листьями, венчающими ярко-рыжие шарики ягод...

...Тогда всё оборвалось внезапно. Изнемогающая от многодневной горячки женщина совсем напрасно пыталась уговорить опустившего глаза доктора: «Нельзя мне сейчас на тот свет... Сын...». Но ровно в положенный срок Юзеф увидел свою мать в последний раз, в засыпанном скромными полевыми цветами, гробу. Тонкие мёртвые пальцы неестественно удерживали длинную жёлтую свечу, а родное до сто-на лицо приобрело черты некой угловатости и возмущающе-го равнодушия. Подталкиваемый в спину родными, и случайными сочувствующими, Юзеф не смог подойти и поце-

ЛОВАТЬ...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.